

ДОРОГА ВО МХАТ

От народного артиста СССР Бориса Смирнова я впервые узнал о том, что народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Алексей Васильевич ЖИЛЬЦОВ встречался с В. И. Лениным 24 октября 1917 года, в исторический день взятия Зимнего. Научные сотрудники Ленинградского филиала Музея Советской Армии поведали мне о поиске, который привел их к Алексею Жильцову, бывшему председателю солдатского комитета полка военных сообщений Петроградского штаба округа. И вот сегодня о своем пути в революцию и в большое искусство рассказывает старейший мастер Московского Художественного театра.

— Как случилось, что вы стали участником Октябрьской революции?

— Началось все с детства, с Иваново-Вознесенска. Там остро ощущались противоречия русской дореволюционной жизни: среди богатейшей, поэтичной природы трудно, в мрачных слободских условиях жили рабочие. Там созревал их бунтарский накал, вырастал в революционные демонстрации и открытые классовые бои.

Эти противоречия откликнулись во мне по-своему. С одной стороны, меня жадно тянуло к живописи: я мечтал то стать учеником прославленных народных умельцев-палешан, то посвятить себя художественной росписи тканей. Но вместе с тем жила мысль о том, что тихая пристань живописного ремесла — малоподходящее дело в такое бурное, закипающее революцией время.

Так я и не пошел в живописцы, а вскоре был мобилизован в царскую армию и попал в техническую часть — полк военных сообщений штаба Петроградского округа. Там, в Петрограде, я впервые увидел театр и сразу же в его великом проявлении — творчестве Федора Ивановича Шалапина.

Служба моя протекала в штабе, что называется, «на бойком месте», и я имел возможность наблюдать поведение, угадывать психологию больших чинов старой армии, среди которых были и великие князья, и видные царские генералы. У меня была редкая возможность сравнивать и делать выводы.

24 октября 1917 года на митинге полк решительно выступил на стороне большевиков. Главным оратором митинга был Николай Васильевич Крыленко. Он часто приходил к солдатам, в штаб округа, обедал у нас, отдыхал

на моей койке. Мы видели в нем своего человека и доверяли безусловно.

Митинг вынес резолюцию, с которой я отправился в Смольный. Среди многих людей за столом, не снимая пальто, сидел человек, который приковал мое внимание редким спокойствием и простотой. Он был бритый, без привычных усов и бородки — таким, каким мы знаем его по единственной фотографии на удостоверении сестрорецкого рабочего Константина Петровича Иванова. Я не успел толком понять, что передо мной Ленин.

К вечеру на виду у юнкеров и женского батальона, притаившихся за поленицами подле Зимнего, я провел одного из руководителей Октябрьского восстания, Антонова-Овсеенко, к нам в штаб. В штабе было пустынно — офицеры разбежались, немногие «нижние чины» разбрелись по комнатам. Антонов-Овсеенко подошел к окну, долго разглядывал площадь и баррикаду у Зимнего, потом отправился готовить красногвардейцев в атаку на последнее пристанище Временного правительства.

Было тихо. Тревожно тихо... Но, побывав в Смольном, я уже твердо знал, что успех восстания обеспечен. Я согрел себе чай, но выпить его так и не пришлось. Раздался выстрел «Авроры». Я бросился к окну и увидел, как через площадь бегут отряды штурмующих. Некоторые стреляли в воздух, пугая и без того, как выяснилось, насмерть перепуганных «защитников» Зимнего.

Через несколько дней я стал свидетелем исторических переговоров Владимира Ильича Ленина с главнокоман-

дующим Духониным. Мне выпало на долю следить за исправностью передающих аппаратов... Картина той ночи у прямого провода осталась в моей памяти ясно, во всех деталях. Лампа освещала лишь склонившиеся к аппарату лица, напряженные, сосредоточенные, взволнованные. Назревала угроза Петрограду, всему, что завоевала пролетарская революция, — Духонин отказывался исполнять приказы Советской власти. Среди этого напряжения — удивительно спокойное лицо Ленина. И решительные слова его об отстранении генерала Духонина от командования и назначении главкомом прапорщика Крыленко. В эту ночь я до конца понял, какую школу борьбы прошел Владимир Ильич...

— В то время вы уже предполагали, что когда-нибудь свяжете судьбу с советским театром?

— Даже близко не было такой мысли. В апреле 1918 года я приехал в Москву, намереваясь заняться электрикой, связью, совершенствоваться в прежней профессии. И случайно познакомился с учениками Евгения Багратионовича Вахтангова. Они настояли на том, чтобы я показался их учителю. Вероятно, привлекли внимание мои внешние данные: рост, голос, манера держаться.

Вахтангов сказал, что я — актер. Это был человек притягательный, я ему поверил, увлекся неизведанным, горячим делом строительства нового театра. Играл я в вахтанговской студии Тимура и Измаила в знаменитой «Принцессе Турандот», Мерика и Генерала в «Чеховском вечере». И... тяжело переживал разрыв между этим репертуа-

ром и моим сокровенным желанием воплотить на сцене тему народно-героическую, революционную. Несколько раз порывался даже бросить студию, уйти, но удерживал здравый смысл — нужно было приобрести школу, а потом уже думать о воплощении своей темы.

— Когда и при каких обстоятельствах вы стали артистом Художественного театра?

— В 1924 году, уже после смерти Вахтангова. Приглашение в труппу Художественного театра было для меня высокой честью, доверием актерам-гигантов. Помню, что я даже забыл обрадоваться, когда меня назначили на роль Лопухина в чеховском «Вишневом саде», да еще при живом Леониде Мировиче Леонидове, крупнейшем актере, который играл Лопухина знаменито. Выход на сцену в ансамбле, тогда уже легендарном, — это был незабываемый экзамен... Сегодня, не торопясь, я стараюсь достойно написать о художниках первого поколения МХАТа. О них написано и сказано немало, и я не стремлюсь повторять факты, уже известные.

На сцене Художественного театра произошла наконец моя встреча с драматургией, которую я так долго искал: одной из первых моих ролей здесь стал Клец в «На дне» М. Горького. И встряхнулось накопленное, но дремавшее. Я горячо потянулся к горьковской драматургии, к размаху его характеров. В разные годы играл я в «На дне» Сатина, Бубнова, Клеца. Играл Егора Булычова и певчего Тетерева, попа Павлина и в «Достигаева и других» — Губина, играл во «Врагах», Сучкова — «В людях»... До сегодняшнего дня я не расстаюсь с Горьким и не могу насытиться его образами.

В год десятилетия Октября я создал Студию Народно-героического театра и десять лет отдавал всего себя этому делу. В этом театре я поставил «Пугачева» К. Тренева, горьковские спектакли, пьесы первых советских драматургов. Наша работа увлекла такого художника — мастера театральной живописи, каким был В. А. Симов, ближайший соратник Станиславского. Мы поставили за десять лет десять спектаклей и дали более тысячи представлений рабочим Москвы, Донбасса, Подмосквия.

Пятьдесят лет трудовой жизни — они не за плечами. Они всегда со мной, как один год. Потому-то и хватает сил

